

Пожалуй, в свете проблем, о которых шла речь в настоящей работе, наибольший интерес представляет отношение к этим вопросам А. С. Пушкина. Обращался к ним Пушкин неоднократно, но решал их в разное время по-разному.

В конце мая—начале июня 1825 г. Пушкин пишет письмо А. Бестужеву по поводу статьи последнего «Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начале 1825 годов». «Ободрения у нас нет — и слава богу!» — цитирует Пушкин слова Бестужева и возражает: «Отчего же нет? Державин, Дмитриев были в ободрение сделаны министрами. Век Екатерины — век ободрений; от этого он еще не ниже другого. Карамзин, кажется, ободрен; Жуковский не может жаловаться, Крылов также. Гнедич в тишине кабинета совершает свой подвиг < . . . > Из неободренных вижу только себя да Баратынского — и не говорю: слава богу!». Полемизируя далее, Пушкин обращается к историческим примерам (век Августа, Людовика XIV, Фридриха II, Екатерины II) и характеризует специфическую ситуацию, сложившуюся в русской литературе к 1825 г.: «Наши таланты благородны, независимы < . . . > Причина ясна. У нас писатели взяты из высшего класса общества. Аристократическая гордость сливается у них с авторским самолюбием. Мы не хотим быть покровительствуемы равными. Вот чего подлец Воронцов не понимает. Он воображает, что русский поэт явится в его передней с посвящением или с одою, а тот является с требованиями на уважение, как шестисотлетний дворянин, — дьявольская разница!»²⁸

Несколько по-иному решал проблему Пушкин в 30-е гг., когда ситуация в литературе изменилась. В статье «Путешествие из Москвы в Петербург» (1833—1835) Пушкин сопоставляет литературные нравы XVIII столетия и XIX в.: «Ломоносов наполнил торжественные свои оды высокопарною швалою < . . . > Ныне все это вывелось из обыкновения. Дело в том, что расстояние от одного сословия до другого в то время еще существовало. Ломоносов, рожденный в низком сословии, не думал возвысить себя наглостию и запанибратством с людьми высшего состояния (хотя, впрочем, по чину он мог быть им и равный). Но зато умел он за себя постоять и не дорожил ни покровительством своих меценатов, ни своим благосостоянием, когда дело шло о его чести или о торжестве его любимых идей < . . . > У нас писатели не могут изыскивать милостей и покровительства у людей, которых почитают себе равными, и подносить свои сочинения вельможе или богачу, в надежде получить от него 500 рублей, или перстень, украшенный драгоценными камнями. Что же из этого следует? что нынешние писатели благороднее мыслят и чувствуют, нежели мыслил и чувствовал Ломоносов и Костров? позвольте в том усумниться.

²⁸ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. М.; Л., 1949. Т. 10. С. 145—147.